

До этого аналогичные наблюдения были сделаны авторами словаря крылатых слов [13] Н. С. и М. Г. Ашукиными, которые, исправляя ошибку С. А. Венгерова, приписавшего (в комментариях к Полному собранию сочинений В. Г. Белинского 1901 г.) эту фразу Ф. В. Булгарину, называют ее автором Н. А. Полевого и также перепечатывают обширную цитату из его текста [13, с. 624].

Однако еще раньше — скрыто уточняя Ю. Н. Тынянова — на Н. А. Полевого как автора крылатой фразы о Руси в своих работах 20-х годов указывал В. В. Виноградов (см. [10, с. 67, 239—240] и сл.).

Но что же все-таки и как говорит Н. А. Полевой?

В обширном предисловии (10 страниц отдельной — римской — пагинации) к роману «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века». Москва. В университетской Типографии. 1832² — оно озаглавлено: «Разговор между сочинителем русских былей и небылиц и читателем» — Н. А. Полевой, опровергая обвинения журналистов, литераторов и критиков, которые пишут против него «в стихах и прозе, критических статейках, эпиграммах, водевилях и сатире», обращается к читателю со следующими словами: «Но кто же говорит и беспрестанно твердит вам³ о моем отступничестве, отречении от русского, нелюбви к Руси?.. Те, которые ничего не читают, не пишут, а составляют зевающую толпу вокруг пишущих. Но кто читал, что писано мною донныне, тот, конечно, скажет вам, что квасного патриотизма я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и еще более — позвольте прибавить к этому — Русь меня знает и любит» (с. IX—X).

Совершенно очевидно, что в этом заявлении, сделанном в пылу мысленного спора с недоброжелателями, чем и объясняется пафос автора и вызванное им преувеличение собственного значения⁴, есть мысль, выражаемая крылатой фразой «Я знаю Русь, и Русь меня знает», есть весь необходимый материал для выражения этой мысли, или, точнее, для создания формы выражения этой мысли, но нет еще самой фразы. Точно так же, как нет крылатого вопроса «Кто первый сказал „э“?» в гоголевском диалоге Бобчинского и Добчинского и как нет еще деревянной скульптуры Эрзи в диком корне, в котором она позднее будет угадана и из которого будет вырезана.

Крылатая фраза «Я знаю Русь, и Русь меня знает» отливалась и выковывалась из материала, предоставленного Полевым, и закалялась и оттачивалась в журнальной полемике, в сатире, критике и публицистике 30—40-х годов XIX в.

Так, по указанию Ашукиных, через два года после выхода романа Полевого, в 1834 г., в Москве появляется анонимная сатира «Подарок ученым на 1834 год. О царе Горохе...» в которой представлено заседание философов и историков, обсуждающих вопрос о том, где и когда царствовал этот царь. Среди участников обсуждения выведен и Полевой. Отрицая значение тогдашних авторитетов исторической науки, он хвастливо и самонадеянно заявляет: «Я историк; с гордым сознанием говорю: Я историк! Я знаю Русь, — и меня знает Русь!» [13, с. 624]. Здесь уже сделано почти все, что нужно: сырой материал обработан и убрано все лишнее. Но еще не определилась ритмика фразы, не сложилась расстановка силь-

² В словаре Ашукиных [3] это произведение ошибочно названо повестью, а в заглавии опущено указание на век.

³ В словаре Ашукиных здесь и далее дважды допущена опечатка: *нам* (с. 624) вместо *вам*.

⁴ Ср. те же мысли, но изложенные более сдержанно в написанном за год до выхода романа письме к А. А. Безуглову: «Судьба дала мне средство сделаться почетным в ряду моих сограждан, драгоценное доброе имя в их глазах заменяет недостаток денег, и имя Полевого они счищают честью... Чувствую свое прекрасное назначение содействовать благу отчизны... И в десять лет литературного бытия я уже успел во многом быть полезным — это я слышу, чувствую, понимаю...» (25 сент. 1831 г.) [14, с. 511].